

УДК 316

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет.

culture@kubsu.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом, Ростовский государственный экономический университет.

darya.maksimovich@gmail.com

Шилина Наталья Анатольевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры рисунка, Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета

rnd.natalia@mail.ru

Valery V. Kasyanov

Doctor of Social Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, head of chair of history of Russia Kuban state University

culture@kubsu.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology, Professor of department of judicial examination and criminalistics of the Rostov state economic university

darya.maksimovich@gmail.com

Natalya A. Shilina

candidate of sociological sciences, associate professor of the drawing of Academy of architecture and arts of SFU

rnd.natalia@mail.ru

Социокультурные культурные последствия российской революции

Sociality-cultural consequences of the Russian revolution

Аннотация. В статье с позиций социологии культуры анализируются культурные последствия российской революции 1917 г., приведшей к формированию уникального типа государства и общества. Авторы показывают, что воздействие революции на культуру было двойственным, соединявшим модернизационные и контрмодернизационные тенденции. В наиболее яркой форме противоречие между модернизационным и архаическим проявилось в официальной идеологии, являвшейся смысловым ядром советского проекта модерна.

Ключевые слова: революция, социализм, архаизация, модернизация, искусство, авангард, советский проект, образование, наука, политическая религия

***Annotation.** The article analyzes the cultural consequences of the Russian revolution 1917, which led to the formation of a unique type of state and society. The authors shows that the impact of the revolution on culture was a dual one, combining modernization and counter-modernization tendencies. In the most vivid form, the contradiction between modernization and archaic manifested itself in the official ideology, which was the semantic core of the Soviet modernist project.*

***Keywords:** revolution, socialism, archaization, modernization, art, avant-garde, Soviet project, education, science, political religion.*

Великая российская революция 1917 г. не должна рассматриваться как некое единичное событие. Она не только тесно связана исторической преемственностью с предыдущими революциями, но представляет собой своеобразный заключительный этап долгого периода социально-экономических, политических и культурных преобразований, начатых реформами 60-х гг. XIX века. По мнению Ю. Пивоварова, «русская революция – это эпоха между 1860 и 1930 гг.»[5], период, начатый освобождением крестьян и завершившийся становлением сталинской диктатуры. Продолжая эту мысль, он отмечает, что содержанием понимаемой таким образом русской революции, охватившей несколько десятилетий, было освобождение и эмансипация индивида и общества. Однако в ключевых событиях 1917 года этот процесс перешел к стадии самоотрицания. Достигнув определенных результатов на пути становления политических, социально-экономических свобод, эмансипации культуры, российское общество начало движение в противоположном направлении. При этом, что весьма характерно, под лозунгами завоевания реальной свободы и полного освобождения. Иными словами, данный период можно обозначить как период ускоренной, хотя и не всегда последовательной модернизации российского общества. Тогда российская революция 1917 года, являющаяся темой данной статьи, может рассматриваться как отрицание модернизации. Однако это не совсем так.

Результатом революции стало формирование специфического советского модернизационного проекта, который сочетал в себе элементы архаики и модернизма, контрмодернизационные и модернизационные изменения. При этом архаика отнюдь не была сознательно преследуемой целью – на уровне лозунгов и самопонимания своих участников и творцов, революция была устремлена в будущее.

Мы согласны с учёными, которые считают, что «Советское общество и советская культура представляли собой грандиозную попытку совместить ускоренную модернизацию и контрмодернизационные устремления. Индустриализация сочеталась с принудительным насаждением общинного уклада и коллективизма, формальное расширение демократии и политических прав - с конструированием подобия древней деспотии, научно-технический прогресс - с насаждением мощной политической религии, ориентированная на служение и идеализм этика - со вполне утилитаристским

и материалистическим мировоззрением. (...) На ранней стадии существования советского общества элементы архаики наряду с экспериментированием и новаторством заметны больше, чем в позднесоветский период. Это связано с разрушением прежних институтов - в период институционального вакуума, крушения прежней социальной структуры элементы архаики - как наиболее естественные и стихийные механизмы социальной и культурной регуляции неизбежно оказывались востребованными»[4].

Некоторые проявления архаизации были следствием разрушительной динамики революции и последовавшей за ней Гражданской войны. Другие – следствием незавершенной культурной модернизации. Поскольку революция и война если не уничтожили, то значительно сократили немногочисленную (в масштабах всего населения империи) модернизированную часть российского общества, неизбежным было повышение культурного влияния представителей тех слоев, чье сознание было затронуто модернизацией лишь поверхностно.

В то же время революционные события порождали невиданный импульс к творчеству, созданию нового. Именно поэтому первые постреволюционные годы были периодом творческого подъема в литературе и искусстве. Многие представители творческих кругов были охвачены революционным энтузиазмом, они верили, что искусство и его представители должны активно участвовать в созидании нового мира и нового человека, верили в разрушение границы между художественным творчеством – и творчеством политическим и социальным. Таков идейный фундамент, на котором стояли представители русского авангарда.

Ожиданиям авангардистов не суждено было сбыться – формирующееся советское государство не допускало наличия каких-либо субъектов самостоятельной творческой и преобразовательной активности. Однако в период становления советского государства авангардистские устремления находили благодатную почву, сочетаясь противоречиво с противоположным процессом – формированием новой бюрократии и затвердеванием официальной идеологии, от соответствия которой в недалеком будущем станет зависеть судьба произведений искусства и их создателей. Н.С. Розов по этому поводу справедливо отмечает: «Если при старом режиме ограничивались или подавлялись авангардные течения, то после победы революции следует ожидать период роста религиозной эмансипации и разнообразного авангардизма. Когда же при консолидации нового режима правящие элиты получают монопольный контроль над культурным производством, то вероятны либо установление новых канонов, либо возврат к тем дореволюционным образцам, приверженность которым считается элитами в наибольшей мере легитимирующей их власть и привилегии»[6].

Но короткого постреволюционного всплеска творчества, вдохновленного масштабными социальными преобразованиями, оказалось

достаточно, чтобы вписать яркую страницу в историю не только отечественной, но и мировой художественной культуры.

Противоречивое воздействие Великой российской революции на культуру не ограничивалось сферой искусства. Радикальные структурные изменения и сопряженное с революцией насилие привели к тому, что многие представители культурной элиты покинули Россию, были уничтожены или утратили прежний статус. Однако создание нового передового общества требовало подготовленных специалистов. В результате советская власть пыталась привлечь «кадры» из дореволюционной элиты, одновременно запугивая их и требуя проявлений лояльности. Это касалось не только военной и научно-технической интеллигенции, но и представителей бывшей творческой элиты, не все из которых приняли революционные преобразования.

Но и этих оставшихся кадров не хватало для нужд формирующегося государства, они не вызвали полного доверия новой власти. Все это влекло за собой необходимость подготовки собственной, «советской интеллигенции», преданной партии и правительству, имеющей «правильное» социальное происхождение. Начались процессы демократизации культуры, открывшие доступ к культурным достижениям широким народным массам. В первую очередь это подразумевало борьбу за всеобщую грамотность, но этой целью культурная политика новой власти не ограничивалась.

Уже в 1919 г. были созданы так называемые «рабфаки» при институтах и университетах, в задачи которых входило подтянуть молодежь рабочего и крестьянского происхождения до уровня, позволявшего им учиться в высших учебных заведениях. При этом катастрофически не хватало преподавателей, бежавших из страны или подвергшихся репрессиям как представители враждебных классов. Для преодоления недостатка квалифицированных преподавательских кадров в 1921 г. был создан Институт красной профессуры, однако проблема кадрового обеспечения и качества образования не была решена в полном объеме. При этом перестраиваемая система образования превращалась практически сразу в инструмент идеологической обработки.

Наука тоже стала объектом внимания новой власти. Многие ученые покинули страну. Так, представители гуманитарного знания по определению были носителями чуждых новой власти идей. Свое отношение к представителям научной и гуманитарной элиты советская власть выразила своей наиболее знаменитой акцией – высылкой из страны в начале 20-х годов более двухсот представителей научной элиты. Среди высланных были не только русские философы (Н. Бердяев, Б. Вышеславцев, Л. Карсавин, С. Франк и др.), но также экономисты, историки, математики, психологи, социологи, биологи – представители самых разных областей знания, сочтенных новой властью ненужными и опасными.

Но не все ученые покинули страну. Оставшимся – тем, чьи знания могли быть полезны для созидания «нового мира», советская власть пыталась

создать условия для работы. В советской России продолжали работу такие ученые как И. П. Павлов, С. В. Лебедев, Ф. А. Цандер, В. И. Вернадский, К. А. Тимирязев, И. В. Мичурин, Н. И. Вавилов, В.М. Бехтерев, А.И. Иоффе и целый ряд других.

Практически с первых послереволюционных лет шло формирование институтов советской науки. В 1918 г. был организован Центральный аэрогидродинамический институт, его создателями были Н. Е. Жуковский и С. А. Чаплыгин. В 1918 году по инициативе известного физика Д.С. Рождественского был создан Государственный оптический институт (ГОИ), по инициативе В.М. Бехтерева - Государственный рефлексологический институт по изучению мозга (позже -Институт изучения мозга и психической деятельности). Были организованы Рентгенологический и радиологический институт, Институт по изучению Севера. В 1927 г. в стране было уже более 90 научно-исследовательских институтов[7].

В 1925 г. на базе Петербургской академии наук была создана Российская академия наук, позже переименованная в Академию наук СССР. Под эгидой Академии формировались научно-исследовательские институты. Например, по инициативе А. Ф. Иоффе были созданы Физико-технический институт, Институт полупроводников. В начале 30-х годов филиалы академии наук были созданы в союзных республиках. Таким образом, советская наука развивалась весьма динамично, но это развитие омрачалось систематическими репрессиями, ослаблявшими человеческий потенциал науки и страны в целом.

Надо особо отметить, что советская наука формировалась как один из важнейших государственных институтов, подлежала постоянному бюрократическому и идеологическому контролю. Эти специфические черты модели науки, сложившейся в СССР, привели, в конечном итоге, к ее отставанию от науки мировой, хотя это отставание было неравномерным для разных областей знания. Идеологический контроль был особенно губительным для гуманитарных и общественных наук, вынужденных загонять свои исследования в жесткие идеологические рамки, что ограничивало и часто блокировало развитие научного знания. Некоторые общественные науки – например, социология, экономика, теория управления после краткого всплеска научной активности в 1920-е гг., практически вообще прекратили на несколько десятилетий свое существование в СССР. История и психология были обязаны исходить из превращенного в догму марксистско-ленинского учения о человеке и обществе. Уже во второй половине XX века идеологический догматизм тормозил развитие новых направлений научного знания, что способствовало отставанию советской науки, которое не удалось компенсировать до сих пор.

Статус государственной идеологии, пронизывающей всю культурную сферу и исключаяющей критический анализ, функционально сближал идеологию с религией – насаждаемое в СССР мировоззренческое

единомыслие означало шаг назад по сравнению с присущим обществам модерна мировоззренческим плюрализмом и заложенным в самой культуре модерна принципом критицизма по отношению к любым догмам и авторитетам. Это принудительное единомыслие входило в противоречие с развитием научного познания, способствовало постепенному ослаблению влияния идеологии, превращавшейся в бессмысленные ритуальные формулы, от повторения которых, тем не менее, зависела судьба научных исследований и самих ученых.

Место, занимаемое идеологией в культуре советского общества, поднимает проблему религии. Процесс секуляризации, суть которого заключается в отделении религии от других социальных институтов и утрате религией монополии на формирование мировоззрения, - важнейшей элемент модернизации. Несмотря на то, что этот тезис сегодня подвергается сомнению, на наш взгляд, он сохраняет свою значимость. Все модернизирующиеся общества в той или иной степени подвержены секуляризации, за исключением некоторых исламских обществ. Но необходимо помнить, что секуляризация не означает уничтожения религии – речь должна идти именно о структурной дифференциации и утрате мировоззренческой монополии. При этом сама религия сохраняет свое институциональное и смысловое присутствие, хотя в разных обществах в разной степени. Процесс секуляризации в СССР имел специфический характер, демонстрирующий противоречивое сочетание архаичных и модернизационных импульсов.

Одним из первых декретов советской власти после революции стал январский 1918 г. «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви». Первоначально советская власть вела с религией сложную игру, выступая, казалось бы, на стороне «обновленческих» сил внутри доминирующей конфессии – православия, не препятствуя развитию различных религиозных меньшинств. Однако конечной целью советской власти было уничтожение религии. Атеистическая пропаганда была частью советской пропаганды с первых лет советской власти. Одной из первых пропагандистских акций, организованных властью, была кампания по вскрытию мощей, происходившая на протяжении 1918-1920 гг. Предполагалось, что мощи будут уничтожены. Всего было вскрыто 65 раков с мощами православных святых. Целью было «разоблачение» религиозного мракобесия. Процесс вскрытия мощей сопровождался фото- и киносъемкой – для дальнейшего использования в пропагандистских целях. Нетрудно догадаться, какое пугающее впечатление эта акция производила на верующих.

Создавались специализированные организационные структуры для систематического ведения антирелигиозной пропаганды, пропаганда сопровождалась и репрессиями, направленными на священников и верующих. Церковь была лишена практически всех экономических ресурсов – начиная от церковных земель, отнятых уже в соответствии с «Декретом о

земле», и заканчивая «церковными ценностями», включая богослужебную утварь. Подрывая экономический фундамент Церкви, власть лишала её возможностей для нормального существования. И все же Церковь сохраняла свои позиции, слишком сильные, по мнению новой власти. В начале 1929 г. вышел циркуляр «О мерах по усилению антирелигиозной работы», согласно которому борьба с религией и церковью приравнивалась к классовой борьбе. Религия и церковь представляли в глазах власти как оплот контрреволюции, что и определяло беспощадное отношение к ним.

Таким образом, специфика советской модели секуляризации заключалась в том, что она была не стихийным, но организованным властью процессом, сопровождавшимся политическим насилием и подавлением. При этом секуляризация не приводила к развитию свободомыслия и мировоззренческого плюрализма – традиционное религиозное мировоззрение замещалось догматизированной идеологией, нетерпимой к инакомыслию и критическому мышлению. Новая идеология не ограничивалась сферой политического – она пронизывала собой все культурное пространство сверху донизу – от науки и философии до повседневных практик.

С первых дней своего существования советская власть старалась насаждать свою собственную обрядность, заменяя ею обрядность религиозную. Формировались собственные праздники и памятные даты, ритуалы, сопровождавшие значимые события человеческой жизни. Выбирались для почитания новые мифологические герои. Переименованию подвергались населенные пункты – то есть создавалась новая сакральная география. Частью того же процесса символического освоения пространства было создание идеологически нагруженных символических объектов, архитектурных сооружений. Всё символическое пространство, в котором обитал советский человек, должно было быть пронизано идеологической символикой.

Латентно религиозными были и цели новой власти – создание нового человека и нового общества, своеобразный аналог построения Царства Божия на земле. Эта фактически новая скрытая от масс религиозная составляющая революции была уловлена некоторыми представителями русской религиозной философии еще в самом начале революционных преобразований. Именно поэтому для описания сущности советской идеологии вполне допустимо применять понятия «светской религии» или «политической религии». Эти понятия использовались и используются многими исследователями, начиная с Э. Фёгелина и Р. Арона до Э. Джентиле. Определения могут даваться довольно разные. Однако суть политической религии – в создании мировоззрения, ориентированного не на трансцендентные, а на имманентные цели и объекты, и придающего этим целям и объектам сакральный смысл. В каком-то смысле это новое язычество, сакрализующее политические институты и социально-политический порядок в целом.

Не вызывает сомнения то, что смысловым ядром технократически и футуристически ориентированного советского общества было мировоззрение, по сути своей архаичное, наиболее ярко демонстрирует двойственный и противоречивый, модернизационный и одновременно контрмодернизационный характер советской культуры, возникшей в результате драматических событий Великой российской революции 1917 г.

Литература

1. Арон Р. *Опиум интеллектуалов*. М., АСТ, 2015. 480с.
2. Верт Н. *История советского государства. 1900—1991*. М.: Прогресс-Академия, 1992. - 480 с.
3. Джентиле Э. *Фашизм, тоталитаризм и политическая религия* // Интернет-журнал «Гефтер» - Электронный ресурс. Режим доступа – URL: <http://gefter.ru/archive/10519> - Дата обращения 25.08.2017
4. Матецкая А.В. *Проблема архаизации постсоветской культуры* // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 208. С. 38-46.
5. Пивоваров Ю. С. *Истоки и смысл русской революции* // Политические исследования (Полис), 2007, № 5. С.35-55
6. Розов Н.С. *Вектор русской революции 1917 г. – модернизация или контрмодернизация?* // Политические исследования (Полис), 2017, № 2. С.8-25.
7. *Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925)* (Сборник документов) / Отв. ред. К. В. Островитянов. Л.: «Наука», 1968. С. 8. 420 с.

Literature:

1. Aron R. *Opium of the intellectuals*. M., AST, 2015. 480s.
2. Wert N. *History of the Soviet state. 1900-1991*. Moscow: Progress Academy, 1992. - 480 p.
3. Gentile E. *Fascism, totalitarianism and political religion* // Internet magazine "Gefter" - Electronic resource. Access mode - URL: <http://gefter.ru/archive/10519> - Date of reference 08/25/2017
4. Matetskaya A.V. *The problem of archaization of post-Soviet culture* // Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2015. P. 208. P. 38-46.
5. Pivovarov Yu. S. *The origins and meaning of the Russian revolution* // Political Studies (Polis), 2007, No. 5. P.35-55
6. Rozov N.S. *The vector of the Russian revolution of 1917 - modernization or counter-modernization?* // Political Studies (Polis), 2017, No. 2. P.8-25.
7. *The organization of science in the early years of Soviet power (1917-1925)* (Collection of documents) /Ex. ed. K.V. Ostrovityanov. L.: "Nauka", 1968. P. 8. 420 p.